

Horror Story

Амброз Бирс

ЗАГАДОЧНЫЕ
ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

РИПОЛ КЛАССИК

Horror Story (Рипол)

Амброз Бирс

Загадочные исчезновения

«РИПОЛ Классик»

1914

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)5-44

Бирс А.

Загадочные исчезновения / А. Бирс — «РИПОЛ Классик»,
1914 — (Horror Story (Рипол))

ISBN 978-5-386-14417-3

Крупнейший американский писатель конца XIX века Амброз Бирс считается главным учеником и последователем Эдгара По на ниве «литературы ужасов». Необъяснимые перемещения в пространстве, угрюмые призраки, жестокие психологические эксперименты, несчастные случаи и таинственные исчезновения... Вот лишь некоторые приметы темной стороны жизни, которой посвящены странные и причудливые рассказы великого литератора.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)5-44

ISBN 978-5-386-14417-3

© Бирс А., 1914
© РИПОЛ Классик, 1914

Содержание

«Страшные истории» Амброза Бирса	6
Возможно ли это?	9
Проклятая тварь	9
Однажды летней ночью	15
Хозяин Моксона	17
Средний палец правой ступни	23
Долина призраков	29
Психологическое кораблекрушение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Бирс Амброз

Загадочные исчезновения

© Танасейчук А. Б., перевод на русский язык, составление, вступительная статья, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

«Страшные истории» Амброза Бирса

Амброз Бирс (1842–1914[?]) – признанный классик не только американской, но и мировой литературы. Знают и любят его и в России. В то же время фигура писателя окружена мистическим ореолом. Причиной тому несколько обстоятельств. Первое – на поверхности: это его таинственное исчезновение в Мексике в январе 1914 года. Второе связано с первым. Источники, проливающие свет на последний отрезок жизни А. Бирса, по сути, отсутствуют. А это порождает всевозможные слухи и сплетни, в том числе в средствах массовой информации (Интернет этому только способствует). Особое значение имеет и стойкая приверженность писателя к мотивам смерти. А поскольку смерть он живописал исключительно ярко и талантливо, именно в связи с этой особенностью началось «освоение» Бирса масскультом, запустившим процесс «гламуризации» его образа. Он давно превратился в героя литературы и кинематографа, о нем пишет «желтая пресса», он (чаще всего – в гротескном виде) мелькает на экране. Масла в огонь добавляет отсутствие доступных широкому читателю работ о писателе и его творчестве. А большинство из тех, что циркулирует в непрофессиональном пространстве, формируют искаженный, мифологизированный образ.

В восприятии современного читателя Амброз Бирс, прежде всего, писатель-фантаст. Но, если придерживаться общепринятой терминологии, научную фантастику (*science fiction*) он не писал. К этому направлению (да и то с определенными оговорками) можно отнести только два рассказа – «Хозяин Моксона» и «Проклятая тварь». Его «вотчиной» был так называемый «страшный рассказ» или «новелла с привидениями» (*ghost story*). Рассказы подобного рода – наиболее органичный и наиболее многоликий жанр в творческом наследии художника. Новеллы этого типа он сочинял более тридцати лет (первая – «Долина призраков» – датирована 1871 г., последняя – «Чужой» – 1909 г.). Почти все они объединены в главный (и, по сути, единственный) «фантастический» сборник под названием «Возможно ли это» («*Can Such Things Be?*» 1893, 1903).

Весьма привлекательно объяснить приверженность писателя к оккультному и сверхъестественному традициями региональной калифорнийской литературы. Действительно, беллетристика подобного свойства была широко распространена в Калифорнии 1870—1890-х гг., являясь неотъемлемой составляющей газетно-журнальной литературы. Но, кроме вполне естественной (особенно на раннем этапе творчества) зависимости от местных литературных стереотипов, Бирс сознательно ориентировался на романтическую традицию – как европейскую, так и национальную.

Едва ли Джек Лондон сильно ошибался, когда в письме своему другу и наставнику, поэту Джорджу Стерлингу (кстати, ученику Бирса) писал, характеризуя коллегу по цеху: «*Старик выкристаллизовался прежде, чем мы с тобой родились*».

Действительно, как художник Бирс развивался под воздействием романтической традиции – американской и европейской. Особую роль в творческом развитии писателя сыграл Эдгар Аллан По, его опыт новеллиста и его эстетическая теория. От великого американского романтика идет приверженность Бирса категориям сверхъестественного и таинственного, да и само предпочтение жанра новеллы иным литературным формам – во многом – имело тот же источник. Бирс называл По «величайшим американцем» и не скрывал, что считает себя его учеником и последователем. Развивая жанр «страшной» новеллы, он продолжил эксперименты своего учителя в области «тотального» эмоционального воздействия художественного слова. И, надо сказать, превзошел его в этом искусстве, создав новеллу с особой композиционной структурой, включающей так называемую двойную развязку или «концовку-ловушку».

Свою роль, разумеется, играло то обстоятельство, что Бирс был, прежде всего, газетно-журнальным писателем и адресовал свои тексты соответствующей аудитории. Но ведь «жур-

нальным писателем» был и Эдгар По, а потому те новации в области сюжета и композиции, которые разработал Бирс, по сути, были продолжением и практическим применением теории «единства впечатления» американского романтика к новому этапу развития новеллы. Можно сказать, Бирс только усилил (причем сделал это виртуозно!) то, что Э. По называл «*unity or totality of effect*». Объяснять, как это «работает», раскрывать «механику» сюжета писателя едва ли здесь уместно, тем более что читатель все это прекрасно «чувствует».

Бирс жил и творил в иную эпоху. Поэтому его отношение к «ужасному» отличалось от восприятия и презентации этих категорий великим американским романтиком. По этой причине в страшной прозе Бирса нередки иронические и даже скептические интонации в изображении «потустороннего». Случалось, он даже пародировал мэтра – «играл» сюжетами своего учителя. Примером тому новелла «За стеной» – своеобразный мрачно-иронический парафраз знаменитого рассказа «Падение дома Ашеров» Эдгара По.

Скорее всего, Бирс не был мистиком и склонялся к рационалистическому толкованию таинственного и загадочного, но допускал существование непознанного и непознаваемого. Отсюда двойственность большинства его «страшных» новелл: нередко в одном и том же тексте автор предлагает двоякую интерпретацию событий – и рационалистическую, и «сверхъестественную».

Но в творческом наследии писателя есть примерно полтора десятков новелл (важно, что они были объединены автором в специальные циклы), которые совершенно не вписываются в приведенную выше схему (это истории, составившие циклы «Загадочные исчезновения», «Тела мертвецов», «Кое-что о приведениях»). Они ей противоречат, красноречиво показывая, что не так просто обстоят дела с пресловутым «рационализмом» Бирса и «игровым» началом его новеллистических коллизий. Нетрудно заметить, что все они совершенно отрицают какую-либо возможность рациональной интерпретации описываемых событий. Характерны упомянутые истории и еще одной общей особенностью: обладая признаками полноценной новеллы (фабулой и сюжетом), они имеют очерковый характер. В этих историях автор только рассказывает о событиях, сообщает «факты», но не интерпретирует их. Он не «препарирует» героев, не разъясняет мотивы, не анализирует их состояния, что, в свою очередь, влияет на сюжет, предельно упрощая – «сжимая» – его. Их лапидарность – прямое следствие особенностей их поэтики.

То есть, имея в виду упомянутые тексты, мы можем говорить о некоей особой разновидности «страшного» новеллистического жанра, разработанной и осуществленной Бирсом. Данная разновидность не противоречит теории «единства впечатления», скорее наоборот – эмоциональное воздействие этих историй весьма велико. Но если они и имеют цель «развлечь» читателя, то самоцелью это не является. Сочиняя их, писатель не «развлекал», а фиксировал загадочные случаи, с которыми в разных обстоятельствах сталкивался сам или о которых от кого-нибудь слышал, но объяснить (а тем более разгадать) природу таинственного не мог.

Судя по всему, истории эти имеют источником личный опыт писателя – Бирс сам их услышал: например, «Прерванный забег» – в бытность в Англии или «Кое-что о старухе Мэгон» и «Жертва привычки» – в период жизни (1879–1880) в золотоискательской Дакоте; а может быть, даже наблюдал непосредственно, как в случае с рассказом «Холодная ночь». Но большинство историй, конечно, попадало к нему из «вторых рук». Для некоторых можно даже установить источник (например, история под названием «Перейти поле», безусловно, восходит к У. Ч. Морроу, ученику Бирса и уроженцу г. Селма в Алабаме). Но происхождение большинства неизвестно.

Как бы там ни было, все они составляют особый пласт творческого наследия американского новеллиста, познакомиться с которым небезынтересно. Бирс классифицировал свои «находки», помещая каждую под определенную рубрику. К сожалению, издатели (не только российские!) об этом факте не задумываются, скорее всего, даже не догадываются, публикуя

по отдельности в ряду «традиционных» новелл писателя, среди которых они воспринимаются как «инородное тело», обескураживая читателя.

Среди упомянутых цикл «Тела мертвецов» занимает особое место. Необходимо отметить: составляющие его новеллы не только недоступны русскоязычному читателю, но и почти неизвестны даже носителям языка – почитателям таланта Бирса. Опубликованные впервые в 1888 году на страницах газеты «*San Francisco Examiner*» (полным циклом из шести новелл), позднее они долгое время не переиздавались. Не вошли они в первое издание сборника «Возможно ли это?» (1893) – скорее всего, по вине издателя, хотя, по логике, их место, конечно, в данном фантастическом сборнике. Но Бирс «восстановил справедливость» во второй (ее и следует считать канонической) редакции сборника – 1903 года. Но – вот парадокс! – хотя это издание и является аутентичным, не оно, а предыдущее (1893 г.) даже добросовестными издателями обычно воспринимается в качестве отправной точки при формировании разнообразных антологий произведений Бирса. Многие, вероятно, даже не подозревают о существовании этой – *авторской* – редакции сборника. Мы восполняем этот досадный (и несправедливый) пробел.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, – сновидения. Бирс не раз – в своих очерках, эссе, статьях и новеллах – обращался к этой теме, рассуждал о природе сна, переживаемых во сне эмоциях, всплывающих образах и т. п. Очевидно, что писатель придавал явлению особое значение, видел во сне некую связующую нить между миром реальным и вечным. Составитель не стал включать в настоящее собрание рассказы «Житель Каркозы» и «Хаита-пастух» (хотя они и «эксплуатируют» указанную тему). Они хорошо известны читателю, но едва ли принадлежат к лучшим творениям писателя (что, впрочем, не помешало Г. Лавкрафту восхищаться ими). Вместо них в сборник включено эссе «Видения ночи», прежде не переводившееся на русский язык. Оно непосредственно посвящено названной теме. Знаатоки творчества писателя обратят внимание, где следует искать источник не только «Жителя Каркозы», но и некоторых других сюжетов.

* * *

Художественный мир Амброза Бирса – явление уникальное и очень разнообразное. Он, конечно, не исчерпывается «страшным» жанром. Бирс – блестящий сатирик, литературный критик и эссеист, весьма оригинальный философ и, наконец, автор потрясающей военной прозы – новелл и очерков. С рассказами о войне российский читатель знаком давно, а вот с остальными текстами... Будем надеяться, что и это знакомство в конце концов состоится.

Андрей Танасейчук

Возможно ли это?

Проклятая тварь

I

За грубо сработанным столом при свете сальной свечи сидел человек и что-то читал в изрядно потрепанной амбарной книге. Записи производились от руки, и почерк автора был, видимо, не очень разборчив, поскольку читавший то и дело подносил книгу поближе к огню, дабы рассмотреть написанное. В такие моменты тень накрывала большую часть помещения, погружая во тьму лица и фигуры тех, кто находился рядом. Их было восемь. Семеро молча и неподвижно сидели у бревенчатых стен хижины. Помещение было невелико, и любой без труда мог дотянуться рукой до восьмого, лежащего на столе и накрытого простыней. Он был мертв.

Человек читал про себя, все молчали. Казалось, они чего-то ждали, только мертвец был безучастен к происходящему. Из темноты, снаружи, через прямоугольное отверстие, служившее окном, в помещение врывались звуки ночи: протяжный вой далекого койота и крики ночных птиц, пение цикад, гул жуков и иных насекомых – весь этот привычный ночной шум, такой отличный от звуков дня, – такой естественный, но такой незаметный и неслышимый при обычных обстоятельствах. И вдруг он стих – словно внезапно что-то заставило замолчать ночных обитателей. Иных возникшая пауза могла насторожить, но не тех, кто собрался в хижине, – по их грубым лицам даже при скудном свете единственной свечи было видно, что они не склонны к пустому любопытству. Очевидно, это были местные обитатели – фермеры и лесорубы.

Читающий был человеком иного склада, и, хотя костюм изобличал в нем местного жителя, он явно принадлежал к образованной части общества. Едва ли его платье было пошито в Сан-Франциско, грубые башмаки совсем не походили на городские штиблеты, да и шляпу, сброшенную на пол (он один обнажил голову), он надевал явно не в качестве украшения. Лицо его, если не обращать внимания на суровое выражение, можно назвать располагающим, даже приятным. Впрочем, суровость его могла быть напускной – ее предполагала должность, которую он исполнял. Он был коронером. По своей должности человек этот и был погружен в чтение – записную книгу обнаружили среди вещей покойного, в хижине, где проводилось дознание.

Завершив чтение, коронер убрал книгу в нагрудный карман. Почти одновременно дверь распахнулась и внутрь вошел молодой человек. Вот он точно не принадлежал к числу местных обитателей и был горожанином, – его выдавали и внешний облик, и одежда. Впрочем, последняя была грязной и пыльной, ее владелец явно проделал долгий путь. Он и вправду ехал издалека и торопился, чтобы успеть на дознание.

Коронер приветствовал вошедшего кивком головы, остальные сидели неподвижно.

– Мы вас ждали, – сказал коронер. – Нужно покончить с этим делом сегодня.

– Прошу прощения – я вас задержал. – Молодой человек улыбнулся. – Уехав, я не собирался скрываться от правосудия. Я был в редакции газеты – отвез историю о том, что, как я думаю, мне предстоит изложить вам здесь и сейчас.

Коронер улыбнулся и заметил:

– Думаю, то, что напечатают в газете, будет отличаться от того, что вы расскажете здесь под присягой.

– Это уж вы сами решите, – с жаром ответил прибывший, покраснев. – Впрочем, у меня имеется дубликат материала, что отдан в газету, – я его скопировал. История эта будет опубликована не в разделе новостей, а в литературном отделе – уж слишком невероятной ее сочли. Но она – я настаиваю на ее верности и могу поклясться – часть моих показаний.

– Но вы только что сами признались, что история слишком невероятна.

– Возможно, мои слова мало для вас значат, сэр, но клянусь, они – чистейшая правда!

Судя по всему, негодование молодого человека не произвело особого впечатления на должностное лицо. Некоторое время коронер молчал, задумчиво глядя в пол. Люди, сидевшие у стены хижины, вполголоса переговаривались, почти не отводя взглядов от лица трупа. Но вот коронер поднял глаза и произнес:

– Продолжим дознание.

Все сняли шляпы. Свидетеля привели к присяге.

– Ваше имя? – таков был первый вопрос.

– Уильям Харкер.

– Возраст?

– Двадцать семь лет.

– Вы были знакомы с покойным Хью Морганом?

– Да, я его знал.

– Вы находились рядом в момент его смерти?

– Да.

– Как это случилось? Я имею в виду, почему вы оказались рядом?

– Я приехал к нему на охоту. А еще мы собирались сходить на рыбалку. К тому же мне хотелось лучше к нему присмотреться: изучить этого человека, понять его странный, уединенный образ жизни. Он мне интересен как типаж, литературный прототип... Знаете, я иногда сочиняю разные истории...

– А я иногда почитываю...

– Благодарю вас...

– Истории вообще... Не ваши.

Присяжные засмеялись. В мрачной обстановке шутки воспринимаются по-особенному. Смех на передовой вспыхивает легко и по любому поводу; острота, брошенная в камере смертников, способна сразить наповал.

– Изложите обстоятельства смерти этого человека, – приказал коронер. – Можете использовать любые заметки и записи – это не возбраняется.

Свидетель понял намек. Он вытащил рукопись из нагрудного кармана, поднес поближе к свече, полистал и, найдя нужный отрывок, начал читать.

II

«...Солнце еще не взошло, когда мы вышли из дома. Мы собирались поохотиться на перепелов, поэтому в руках у нас были дробовики. Мы взяли с собой и собаку. Морган сказал:

– Лучшее место – вон там, сразу за холмами.

И мы по тропе двинулись через заросли саспарели. За холмами обнаружился довольно ровный участок, густо поросший диким овсом. Когда мы вышли из зарослей саспарели, Морган опередил меня на несколько шагов. Вдруг неподалеку, впереди и справа, мы услышали шум, будто какой-то крупный зверь продирался сквозь заросли, – ветви кустов сильно колебались и трещали.

– Похоже, спугнули оленя, – сказал я. И добавил: – Жаль, винтовку не прихватили.

Морган застыл на месте и внимательно всматривался в волнующийся кустарник. Он не ответил, но взвел оба курка и взял дробовик наизготовку. Я обратил внимание: он был сильно

взволнован. Помню, тогда это меня удивило: Морган славился своим хладнокровием, уравновешенность не покидала его даже в минуты большой опасности.

– Оставьте, – махнул я рукой. – Неужели вы собираетесь стрелять в оленя дробью для перепелок?

Он опять не ответил, но повернул ко мне лицо, и меня поразило его выражение. Он напрягся и побледнел. Тогда я понял, что мы, похоже, попали в серьезную переделку: видимо, нарвались на медведя-гризли. Я тоже поднял оружие и подошел к Моргану. Шум в кустах прекратился, ветви не колыхались, но мой товарищ был напряжен по-прежнему.

– Что это? – спросил я. – Что за чертовщина?

– Проклятая тварь! – ответил Морган, не оборачиваясь, голосом осипшим и неестественным. Он заметно дрожал.

Я было открыл рот, но вдруг увидел: рядом с тем местом, откуда доносился шум, дикий овес пришел в движение.

Боюсь, не смогу внятно описать увиденное: будто порыв ветра раздвигал заросли, но не только пригибал стебли к земле, но как будто их притаптывал, потому что они больше не выпрямлялись. Что поразительно, эта импровизированная тропа, медленно удлиняясь, постепенно приближалась к нам. Никогда в жизни я не встречал ничего подобного и, разумеется, был глубоко потрясен, хотя особого страха, помню, не испытывал. И еще: в тот момент я вдруг вспомнил, как однажды, случайно выглянув в окно, я принял отдельно стоящее рядом небольшое дерево за одно из рощицы деревьев на расстоянии. Оно ничем не отличалось, было точно таким же, но выделялось более четкими очертаниями. Простой обман зрения, нарушение перспективы, но тогда он поразили и напугали меня. Мы так полагаемся на законы природы – прежде всего физические, – что в любом их нарушении видим угрозу нашей безопасности. Более того – предвестие катастрофы.

Явно беспричинное движение растений и медленное, но неуклонное приближение источника шума меня встревожило. Мой же спутник был явно испуган. Но еще больше поразило меня, когда он вскинул ружье и разрядил оба ствола прямо в движущийся овес! Не успел пороховой дым рассеяться – я услышал разъяренный рык дикого зверя... В тот же момент Морган, отбросив в сторону бесполезное уже оружие, со всех ног пустился наутек, а меня сбilo с ног что-то невидимое в дыму, тяжелое, мощное, но теплое и живое существо, явно обладающее огромной силой...

Еще прежде чем я успел подняться на ноги и подобрать ружье, до меня донесся крик Моргана – это был вопль смертельной агонии; он мешался с хриплым и свирепым рыком, диким и ожесточенным, как при собачьей сваре. В ужасе я вскочил и посмотрел туда, куда убежал Морган, – да сберегут меня Небеса от того, что я увидел!

Мой друг был метрах в тридцати от меня. Он стоял, припав на одно колено, с запрокинутой под невероятным углом головой, без шляпы, со спутанными волосами; его тело судорожно дергалось из стороны в сторону; правая рука была поднята, но кисти я не видел – словно ее не было вовсе. Вторую руку я тоже не видел. Теперь, по прошествии времени, я уверен, что не видел его целиком, только части тела – то одну, то другую. Не знаю, как описать: это было словно на рисунке, сделанном некими волшебными чернилами, – одна часть тела вдруг исчезала, а потом внезапным образом появлялась вновь... И так постоянно. Единственное, что могу отметить, – это было как-то связано с положением тела Моргана...

Продолжалось это несколько секунд – едва ли дольше, – но за эти мгновения мой друг умудрился принять все мыслимые позы отчаянного борца, которого побеждает тот, кто обладает и большей силой, и большим весом. Но я не видел никого, кроме Моргана! Да и то – не всегда отчетливо! И все это сопровождалось его криками и проклятиями, которые покрывал дикий рев, – такой злобный и яростный! – я в жизни не слышал ничего подобного ни от человека, ни от животного!

На мгновение я замер в нерешительности, но потом, отбросив бесполезное ружье, поспешил на помощь другу. Помню, у меня в голове промелькнуло, что у него припадок или что-то вроде судорог. Но когда я подбежал, он уже упал и затих. Наступила полная тишина, и в тот же момент меня пронзил ужас: я увидел, что трава опять стала пригибаться к земле, обозначая движение от места, где лежало распростертое тело, к недалежному лесу. Я застыл. Но едва импровизированная дорожка скрылась в подлеске, я взглянул на своего друга. Он был мертв».

III

Коронер поднялся с места и встал рядом с покойником. Затем стянул простыню, и все увидели обнаженное тело. В свете свечи оно казалось желтым, как глина. Но на нем были отчетливо видны крупные иссиня-черные пятна – это были кровоподтеки от сильных ушибов. Грудь и бока жертвы словно отделали дубиной. Были видны ужасные рваные раны: кожа исполосована и изорвана и кое-где висела пластами. Судебный следователь обогнул стол и развязал шелковый платок, который был пропущен под подбородком и завязан на макушке мертвеца. Открылось горло покойника, точнее, то, что от него осталось. Присяжные, движимые естественным любопытством, приподнялись, чтобы получше рассмотреть тело, но тут же пожалели об этом и отвернулись. Свидетель Харкер ринулся к окну, перевесился наружу; его вырвало. Коронер набросил платок на шею мертвецу и отступил в угол комнаты. Там, молча, он принялся предмет за предметом перебирать вещи покойного и демонстрировать присяжным. Одежда была изорвана в клочья и густо пропитана уже засохшей кровью. Присяжные, правда, не проявляли особого интереса и смотрели без внимания. Все это они уже видели прежде. Новым было только свидетельство Харкера.

– Джентльмены, – произнес коронер, – полагаю, никаких иных улик у нас нет.

– Я объяснил, что от вас требуется. – закончил он. – Если вопросов нет, предлагаю покинуть помещение и принять ваше решение.

– У меня только один вопрос, – сказал староста присяжных, высокий бородатый мужчина лет шестидесяти, в затрапезной одежде. – Скажите, мистер, из какого сумасшедшего дома сбежал ваш свидетель?

– Мистер Харкер, – спокойно и серьезно произнес следователь, – ответьте присяжному: из какой лечебницы вы сбежали на этот раз?

Харкер снова покраснел, но ничего не ответил. Семеро присяжных встали и, не торопясь, вышли из хижины.

– Если на этом вы закончили меня оскорблять, сэръ, – оставшись наедине с покойником и следователем, с обидой проговорил Харкер, – то, полагаю, я могу уйти?

– Да.

Харкер двинулся было к двери, но, положив руку на задвижку, остановился: профессиональное любопытство оказалось сильнее чувства обиды.

Он обернулся и спросил:

– Книга у вас в руках... Я узнаю ее: это дневник Моргана. Вы ее читали, когда я рассказывал. И читали с интересом. Можно мне взглянуть?.. Публике будет... – Дневник к делу приобщен не будет, – оборвал его следователь, пряча дневник в карман пальто. – Записи в нем сделаны задолго до смерти потерпевшего.

* * *

Когда Харкер покинул хижину, в нее вошли присяжные и встали вдоль стола с покойником; очертания тела угадывались под простыней, которой его вновь укрыли. Староста присяж-

ных уселся на табурет подле свечи, достал из нагрудного кармана карандаш и на листе бумаги старательно, хотя и довольно коряво, написал:

«Мы, присяжные, полагаем, что покойный принял смерть от лап горного льва, но некоторые из нас полагают, что причиной мог стать припадок, которыми покойник, видимо, страдал».

Документ, как могли – некоторым это далось с трудом, – подписали его товарищи.

IV

В дневнике покойного Хью Моргана есть несколько записей, которые, возможно, представляют определенный теоретический интерес. Следователь не приобщил дневник к делу. Видимо, он не хотел сбивать присяжных с толку и боялся их запутать. Дату первой записи установить невозможно, поскольку верхняя часть страницы оторвана. На нижней написано следующее:

«...пес бегал полукругом, постоянно держа нос к центру, при этом он останавливался и яростно туда лаял. Вдруг он поджал хвост и метнулся в кусты. Поначалу я подумал, что пес свихнулся, но, когда вернулся домой, никаких изменений в повадках я не заметил, кроме того, что собака явно напугана. Интересно, способна ли собака *видеть* носом? Могут ли запахи влиять на зрительное восприятие? Имеется ли в ее мозге некий центр, где запах трансформируется в образ?

2 сентября

Наблюдая за звездами, что отчетливо видны над холмом к востоку от моего дома, я увидел странную вещь: они исчезали друг за другом, слева направо.

Причем каждая исчезала всего на мгновение (иногда и сразу несколько), а потом вспыхивали вновь. Такое впечатление, что кто-то проходит между ними и мной. Кто это – не знаю, потому что звезд было не так много, чтобы определить очертания существа. Черт возьми! Мне это не нравится!»

Записи за несколько последующих недель отсутствуют. В дневнике не хватает трех страниц. Они вырваны.

«27 сентября

Это опять было здесь – доказательства я нахожу ежедневно. Снова всю ночь с ружьем в руках просидел в укрытии, оба ствола зарядил картечью. Утром, как и прежде, обнаружил новые следы. Странно все это: могу поклясться, что не спал... Я вообще в последнее время почти перестал спать. Это ужасно! Невыносимо! Если то, что происходит, происходит в реальности, я скоро сойду с ума. А если это мне только мнится, значит, я уже помешался...

3 октября

Я не уйду. *Это* не сумеет меня выжить отсюда. Здесь мой дом, это моя земля! Господь ненавидит трусов...

5 октября

Все, больше не могу терпеть. Пригласил Харкера погостить у меня несколько дней – у него голова соображает. По его поведению пойму, сошел я с ума или нет.

7 октября

Я нашел разгадку! Решение пришло прошлой ночью – внезапно, как озарение. Как все просто! Чудовищно просто!

Есть звуки, которых мы не слышим. Не весь диапазон звуковых волн способно уловить человеческое ухо – оно несовершенно. Мы не воспринимаем слишком высокие или слишком низкие колебания. Однажды я наблюдал за стайей черных дроздов, они устроились в густых кронах деревьев по соседству и пели. Внезапно – в одно мгновение! – все они снялись с места и улетели. Как? Они не видели друг друга, им мешали листва и ветви деревьев. *Все* видеть

вожака стаи не могли. Значит, был дан какой-то сигнал – приказ или предупреждение об опасности, – высокий и пронзительный, способный перекрыть весь этот гомон, но мне, человеку, не слышный. Я увидел только последствие – как в полной тишине вся стая одновременно срывается с места! И не только черные дрозды, но и другие птицы, например перепела, даже те, что сидели, затаившись, по другую сторону холма!

Моряки знают: киты, которые греются и резвятся на поверхности океана за несколько миль друг от друга, нередко даже в разных бухтах, вдруг одновременно уходят под воду и исчезают с глаз в один миг. Они тоже подают сигнал – слишком низкий, чтобы его услышал матрос, стоящий на палубе или сидящий на верхушке мачты, но сотрясающий корабль, подобно тому, как басовые ноты органа сотрясают стены собора.

Вот и с цветом та же история, что и со звуком. Физики обнаружили присутствие так называемых актинических лучей на краях солнечного спектра. Они входят в состав цветов спектра, но мы не способны их различить. Человеческий глаз – несовершенный инструмент, он способен улавливать только часть хроматической гаммы. Это не бред сумасшедшего. Существуют цвета, которых мы не видим.

Да поможет мне Господь! Проклятая тварь как раз такого цвета!»

Однажды летней ночью

Генри Армстронг лежал навзничь в неудобной и непривычной позе: руки сложены на животе и в запястьях чем-то связаны. Пути ему удалось разорвать без труда, но кисти рук вновь легли друг на друга – он не мог развести локти, они упирались во что-то твердое. Он постарался изменить положение тела, но безуспешно.

Армстронг всегда был скептиком и привык доверять только собственным чувствам. Сейчас они говорили ему, что он заживо погребен в могиле. Его окутывала тьма, чернильная, непроницаемая для взгляда. Бездонная тишина. Все его существо пронизывало ощущение бесконечного одиночества. Но он не умер, он был жив. Однако факты были так очевидны и бесспорны, что он и не пытался осмыслить свое положение.

Нет, он не умер; он был только болен, очень болен. Все его тело, казалось, онемело. Состояние глубокой апатии мешало сосредоточиться на собственной необычной судьбе, и он не очень осознавал, что в действительности с ним происходило. Армстронг не был философом. Он был самым обычным человеком. Только простая душа обладает этим благодатным даром – временами впадать в спасительное состояние полного безразличия: нервные центры, подающие сигнал опасности, бездействовали. Не зная и не пытаясь представить, что ему готовит ближайшее будущее, он заснул. Мир и покой воцарились в душе этого человека.

* * *

Совсем иное происходило на поверхности. Еще длилась летняя ночь. Беспорядочные вспышки молний на западе предвещали скорое приближение бури. Что-то жуткое было в их безмолвном мерцании: пульсирующие отблески на краткие мгновения со зловещей отчетливостью высвечивали кладбищенские статуи и надгробья и, казалось, заставляли пускаться их в какой-то страшный танец. Едва ли в такую ночь нормальному человеку могло прийти в голову прогуляться по кладбищу. Поэтому трое мужчин, оказавшихся здесь, чувствовали себя в полной безопасности. В руках у них были лопаты. Они раскапывали могилу Генри Армстронга.

Двое из них были студентами местного медицинского колледжа. Третьим – старый, огромного роста негр по имени Джесс. Много лет Джесс работал при кладбище, и наибольшим удовольствием для него было, как порой говаривал он сам, знать, что «каждый покойничек лежит в своей могилке». Впрочем, по тому, чем они сейчас занимались, можно было догадаться, что далеко не каждый могильный камень имел своего хозяина. За кладбищенской стеной, недалеко от проезжей дороги, их ждал легкий фургон.

Тяжкой работу гробокопателя не назовешь: лопата легко входила в рыхлую, еще не успевшую осесть землю, и дело спорилось. Труднее было поднять гроб, но и это удалось, когда за дело взялся Джесс. Он осторожно снял крышку и положил ее в сторону. В гробу лежал человек в черном костюме и белой рубашке.

В это мгновение порыв ветра сорвал пламя, фонарь погас и сокрушительной силы удар грома потряс землю. Генри Армстронг приподнялся и неторопливо сел. С воплями ужаса мужчины бросились в разные стороны.

И, по крайней мере, двоих уже ничто на свете не заставило бы вернуться назад. Но старый Джесс был слеплен из другого теста...

* * *

На следующий день, рано утром, двое студентов, бледных, с осунувшимися от пережитого лицами (ужас явно еще холодил их кровь), встретились у здания медицинского колледжа.

– Вы видели?.. – вскричал один.

– О Боже! Что же нам делать?..

Молча они завернули за угол и у входа в прозекторскую увидели лошадь, запряженную в легкий фургон. Не задумываясь, чисто механически, молодые люди прошли в комнату.

На скамье в одиночестве сидел негр Джесс. Он поднялся и осклабился:

– Я хочу получить свои деньги, джентльмены. Как договаривались...

Все его лицо выражало крайнюю степень удовлетворения от проделанной работы, особенно сияли глаза и зубы.

На длинном столе лежало обнаженное тело Генри Армстронга. От удара лопатой голова была перепачкана глиной, в волосах запеклась кровь.

Хозяин Моксона

1

– Вы что, серьезно? На самом деле верите, что машина способна думать?

Ответ я получил не сразу. Моксон, казалось, был полностью увлечен углями в камине. Ловко орудуя кочергой, он пытался вернуть их к жизни, и наконец они отозвались, вспыхнув весело и ярко. Несколько недель кряду я наблюдал за его привычкой тянуть с ответом. Даже если вопросы были совсем пустяковые. Вид у него, однако, был не рассеянный, скорее, наоборот, сосредоточенный, словно он размышлял над тем, что сказать.

Наконец он произнес:

– А что такое «машина»? У слова этого множество дефиниций. Вот вам определение из популярного толкового словаря: «Любое орудие или устройство для умножения сил или для достижения необходимого результата». Но в таком случае разве человек – не машина? И вам стоит лишь допустить, что механизм думает. Или, во всяком случае, думает, что он думает.

– Если вам не угодно отвечать на мой вопрос, – боюсь, мне не удалось скрыть раздражения, – почему не сказать об этом прямо? Вы просто уходите от ответа. Вы прекрасно понимаете, что под «машиной» я подразумеваю не человека, а то, что человеком создано и управляется.

– Когда сие нечто само не управляет человеком, – произнес он, а затем резко встал и подошел к окну, за которым все тонуло во тьме ненастной ночи. Минуту спустя он обернулся ко мне и сказал с улыбкой: – Прошу прощения, но я не увиливаю от ответа. Просто счел уместным привести определение, данное в словаре, и таким образом превратить его автора в участника нашего диспута. Я без труда отвечу на ваш вопрос. Ответ на него для меня очевиден: да, я полагаю, что машина думает о той работе, которую выполняет.

Что ж, на мой вопрос он ответил прямо. Но не могу сказать, что ответ мне понравился. Скорее укрепил печальное подозрение, что Моксон слишком уж увлекся своими трудами в машинной мастерской и на пользу это ему не пошло. К тому же мне было известно, что он страдает бессонницей и недуг этот изрядно подзапущен. Неужели это сказалось на его рассудке? Его ответ скорее говорил в пользу прискорбного предположения. Но в ту пору я был молод, а легкомыслие – в числе благ юности. Теперь я бы отнесся к его словам иначе. А тогда, подстрекаемый бесом противоречия, спросил:

– А чем она, с вашего позволения, думает? Мозгов-то у нее нет!

Ответ, последовавший с меньшей, нежели обычно, задержкой, он облек в привычную для него форму контрвопроса:

– А чем думает растение? Ведь у него мозгов тоже нет.

– Вот как! Значит, растения, по вашему мнению, тоже числятся в разряде мыслителей? Хотелось бы ознакомиться с результатами их умозаключений – ссылки можете опустить.

– Выводы вы можете делать на основе их поведения, – отвечал он, нимало, казалось, не задетый моей дурацкой иронией. – Едва ли стоит приводить в пример мимозу стыдливую, насекомоядные растения и цветы, тычинки которых наклоняются и одаривают пыльцой забравшуюся в чашечку пчелу, чтобы та смогла оплодотворить далеких соплеменниц. Но подумайте вот над чем. У себя в саду я посадил виноградную лозу. Едва она принялась, я воткнул палку рядом. Лоза немедленно устремилась к ней, и через несколько дней она уже касалась опоры. Тогда я перенес ее на несколько футов в сторону. Лоза немедленно сделала поворот и опять потянулась к опоре. Маневр сей повторялся несколько раз, пока побег, словно потеряв интерес к моей палке и игнорируя мои дальнейшие попытки сбить его с толку, устремился к деревцу, росшему неподалеку. А что вы скажете о корнях эвкалипта? В поисках влаги они способны

вытягиваться на немыслимую длину! Один известный ботаник рассказывал, как корень дерева проник в заброшенную дренажную трубу. Он двигался по ней, пока не уперся в каменную стену, которая преградила ему путь. Корень покинул трубу и полез вверх по стене; обнаружив в стене дыру, пролез в нее, спустился вниз, отыскал продолжение трубы и устремился по ней дальше.

– И что из этого?

– Вам непонятно, что это значит? Этот эпизод иллюстрирует, что растения наделены сознанием. Он доказывает: они думают!

– Даже если так, что тогда? Мы вели речь не о растениях, а о машинах. Они, конечно, могут состоять из дерева – частично. Но дерево уже мертво – в нем нет прежней жизненной силы. Или, по-вашему, и неорганическая структура способна мыслить?

– А как иначе вы объясните, например, такое явление, как кристаллизация?

– Никак не объясню.

– И не сможете, если не признаете то, что вам так хочется отрицать, конкретно – сознательного сотрудничества между составными элементами кристаллов. Когда солдаты строятся в линии или формируют каре, вы называете это разумным действием. А когда дикие гуси летят клином, вы говорите об инстинкте. Когда же однородные атомы минерала, свободно перемещающиеся в растворе, сами выстраиваются в математически совершенные фигуры или замерзающая вода – в прекрасные симметричные снежинки, вам сказать нечего. Вы даже не выдумали никакого научного термина, чтобы прикрыть свое воинствующее невежество.

Моксон говорил с необычными для него горячностью и воодушевлением. Когда он замолчал, из соседней комнаты, которую хозяин именовал механической мастерской и куда путь был заказан, кроме него, любому, донесся странный звук – словно кто-то стучал по столу ладонью. Мы услышали это одновременно. Моксон, явно взволнованный, тотчас встал и пошел в мастерскую. Мне показалось это странным: там не должно никого быть. И меня – не скрою! – пронзило острое любопытство: затаив дыхание, я стал вслушиваться, чуть ли не припав к замочной скважине. Впрочем, до этого я не докатился! Я слышал какие-то беспорядочные звуки – то ли борьбы, то ли драки; пол ходил ходуном. Слышал тяжелое дыхание, потом хриплый шепот и отчетливое: «Черт тебя побери!» Затем все смолкло. Через мгновение появился Моксон с виноватой улыбкой на лице и сказал:

– Простите, пришлось вас внезапно оставить. Там у меня машина взбунтовалась...

Глядя на его левую щеку, – ее пересекали четыре кровавые ссадины, – я сказал:

– Машина, говорите? А коготки ей подрезать не хотите?

Едкая ирония пропала даром: он не обратил на мои слова внимания, уселся на стул, где сидел прежде, и продолжал разговор, словно ничего не случилось:

– Понятно, что вы не согласны с теми, и нет необходимости называть их поименно человеку с вашей эрудицией, – кто учит, что любая материя наделена разумом, что каждый атом – живое, чувствующее, мыслящее создание. Но я с ними солидарен. Не существует мертвой, инертной материи: она вся – живая. Она наполнена силой – активной и потенциальной. Она чувствительна к тем же силам в среде, ее окружающей, и восприимчива к воздействию сил еще более тонких и сложных, заключенных в организмах высшего уровня, с которыми материя может прийти в соприкосновение. К примеру, взаимодействуя с человеком, который подчиняет ее и делает орудием своей воли. Она вбирает в себя его интеллект и силу – вбирает пропорционально сложности механизма и той работе, что выполняет. – Он продолжал: – Вы, верно, помните, как Герберт Спенсер определяет понятие «жизнь»? Оно мне попало лет тридцать назад. Возможно, позднее он его корректировал, но мне оно представляется идеальным – ни прибавить, ни убавить. «Жизнь, – говорит он, – есть сочетание разнородных изменений – как одновременных, так и последовательных, – которые совершаются в соответствии с внешними условиями».

– Сие определяет явление, – сказал я, – но на причину не указывает.

– Но в этом и заключается суть любого определения, – отвечал Моксон. – Как отмечал Милль, нам ничего не известно о причине. Кроме того, что предшествует явлению, мы не знаем о следствии, за исключением того, что оно является результатом чего-то. О некоторых явлениях можно сказать, что вот это никогда не встречается без этого, хотя они и разнородны. Тогда первые по времени мы именуем причиной, вторые – следствием. Тот, кто много раз наблюдал, как собака преследует кролика, но никогда не видел их порознь, легко придет к выводу, что кролик есть причина собаки. Но, боюсь, – добавил он, усмехаясь, – что, погнавшись за кроликом, я потерял след зверя, который мне был нужен, – слишком увлекся охотой ради нее самой. Хочу обратить ваше внимание, что определение Герберта Спенсера касается и машин – в нем нет ничего, что неприменимо к механизму. Философ, помните, утверждает: человек живет, пока действует. Тоже можно сказать и о машине: ее тоже можно считать живой, когда она находится в действии. Говорю вам это как изобретатель и конструктор машин.

Моксон замолчал. Он сидел неподвижно, рассеянно глядя на огонь в камине. Было уже поздно, и я подумал, что мне пора идти домой. Но что-то мешало мне сделать это: видимо, я не решался оставить Моксона одного в его уединенном доме. Тем более в компании существа, о природе которого я мог только строить предположения, но которое настроено явно недружественно, возможно, даже враждебно. Поэтому наклонился и, тронув за плечо своего товарища, заглянул ему в глаза и спросил, указывая на дверь мастерской:

– Моксон, скажите, кто у вас там?

К моему удивлению, он беззаботно рассмеялся и ответил без замешательства:

– Никого. Эпизод, свидетелем которого вы стали, порожден моей беспечностью: я оставил машину включенной, когда делать ей было нечего, а сам взялся вас просвещать... Кстати, известно ли вам, что Разум есть порождение Ритма?..

– Ах, да оставьте вы их в покое! – ответил я, поднимаясь и надевая пальто. – Желаю вам доброй ночи и тешу себя надеждой, что в следующий раз, когда вы вознамеритесь выключить машину, то позаботьтесь, чтобы она была в перчатках!

Наверно, стоило понаблюдать за эффектом моего выстрела, но я не стал этого делать, а просто повернулся и вышел из дома.

2

Шел дождь, густела тьма. Только вдалеке, над гребнем холма, было видно зарево – это светились городские огни. Туда я торил свой путь по грязной немощеной улице. Позади меня не было ничего, кроме одинокого освещенного окна в доме Моксона. Свет его показался мне вдруг загадочным и даже зловещим. Я знал, что это за окно – светила его «механическая мастерская». Я не сомневался, что он вновь вернулся туда, к своим занятиям, которые прервал, желая просветить меня в области сознания механизмов и прав отцовства Ритма. Его представления казались мне странными, даже смешными, но в то же время я не мог отделаться от ощущения, что они неким трагическим образом связаны не только с его характером и стилем жизни, но – возможно – и с его судьбой. Во всяком случае, теперь я уже не считал его слова причудой рассеянного ученого ума. Как ни относиться к его взглядам, надо отдать должное: он излагает их четко и логично. Его последние слова так и вертелись у меня голове, повторяясь вновь и вновь: «Разум есть порождение Ритма». Формула эта была, конечно, слишком лаконичной и прямолинейной, но теперь она представлялась мне бесконечно заманчивой. Я повторял ее про себя, и с каждым разом она казалось все более совершенной и глубокой. Пожалуй, тут можно выстроить целую философию, подумал я. Если Сознание – детище Ритма, то все сущее – разумно, поскольку все движется, а движение всегда ритмично. Я задавался вопро-

сом: а сам Моксон – осознавал ли он значение и широту своей мысли? Масштаб собственного обобщения? Или он шел (и пришел!) к нему нелегкой тропой опыта?

Идея эта была для меня внове, а разъяснения Моксона не смогли обратить меня в его веру немедленно. Но теперь будто яркий свет разлился вокруг меня – подобный тому, что некогда озарил Саула из древнего Тарсуса¹. И теперь, во мраке и одиночестве ненастной ночи, я испытал то, что Льюис назвал «беспредельной свободой и волнением философской мысли»². Меня наполняло дотоле неведомое осознание мудрости, я упивался торжеством разума. Мои ноги почти не касались земли: меня словно подняли и несли прямо по воздуху невидимые крылья.

3

Повинуясь импульсу вновь обратиться за разъяснениями к тому, кто пролил на мой разум свет, я почти бессознательно повернул назад и очнулся только тогда, когда вновь оказался у двери Моксона.

Я промок под дождем, но ничего не чувствовал. Я был взволнован и потому даже не попытался нащупать в темноте звонок, а просто нажал на ручку. Она повернулась, и я вошел внутрь, а войдя, поднялся по лестнице в комнату, которую недавно покинул.

Внутри было темно и тихо. Моксон, судя по всему, был в соседней комнате – своей «механической мастерской». Ощупью, держась рукой за стену, я добрался до двери мастерской и постучал.

Но мне не ответили. Я постучал еще раз, уже громче и настойчивее, но ответа не услышал. Я приписал это шуму снаружи – ветер ревел и бесновался, швыряя тугие струи дождя в тонкие дощатые стены дома. В доме не было потолочного перекрытия, а потому дождь стучал по крыше оглушительно громко, наполняя все помещение шумом и грохотом.

В мастерской я очутился впервые – доступ туда не только мне, но и всем другим был запрещен. Только один человек, искусный механик по имени Хейли, имел право входить туда. Но был молчалив, да и я с ним знакомства не водил. Но я пребывал в крайнем возбуждении, а потому, забыв о правилах приличия, открыл дверь. То, что я там увидел, мигом вышибло из головы все мои возвышенно-философские идеи.

Моксон сидел лицом ко мне за небольшим столиком. Единственная свеча тускло освещала комнату. Спиной ко мне, напротив Моксона, сидел некто, мне незнакомый. Между ними была шахматная доска. Они играли. Я мало разбираюсь в шахматах, но, поскольку на доске фигур оставалось немного, было понятно, что игра близка к завершению.

Моксон был сосредоточен, но занимала его, похоже, не партия, а тот, кто сидел напротив. Он был столь поглощен, что меня даже не заметил, хотя я стоял прямо напротив. Он был взволнован, лицо мертвенно-бледно, но глаза сверкали. Второго игрока я мог видеть только со спины, но и этого вполне хватило – заглянуть ему в лицо мне не хотелось. Едва ли в нем было больше пяти футов роста, а сложением своим он напоминал гориллу: плечи чудовищной ширины, короткая и толстая шея, приплюснутую голову венчала малиновая феска, из-под которой беспорядочно торчали густые черные космы. Он был одет в блузу одного с головным убором цвета, которую на поясище стягивал широкий пояс. Ног я не видел – видимо, их скрывал ящик, на котором сидел шахматист.

Не мог разглядеть и его левую руку – вероятно, она неподвижно лежала на коленях, а вот правая была несоразмерной длины, ею он передвигал фигуры.

¹ Саул – имя апостола Павла до его обращения в христианство. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² Джордж Генри Льюис (1817–1878) – британский писатель и философ.

Я подался назад и теперь стоял сбоку от дверного проема, держась в тени. Если бы Моксон поднял взгляд и посмотрел в мою сторону, едва ли он меня сейчас увидел, разве что приотворенную дверь, и только. Что-то удерживало меня там, где я сейчас находился: я не решался войти, но и не хотел уходить. Сам не знаю почему, но мне казалось, что я накануне какой-то ужасной трагедии и, если останусь, смогу спасти своего друга. Меня, конечно, никто не звал, и я поступал против правил приличия, но совесть меня не мучила, и я не предпринимал никаких действий.

Игра шла быстро. Совершая ходы, Моксон почти не смотрел на доску. На мой неискушенный взгляд, он двигал фигуры, как попало, – быстро, нервно и не осмысленно. Реакция его партнера тоже была быстрой, но движения очень плавны, механически-однообразны и, я бы даже сказал, нарочито театральны. Во всяком случае, терпение мое подвергалось серьезному испытанию. В том, что я наблюдал, было что-то нереальное. Меня пробирала дрожь. Впрочем, правда и то, что я промок до нитки и изрядно озяб. Раза два или три, когда соперник Моксона слегка наклонял голову, я видел, как тот двигал фигуру – своего короля.

И мне вдруг подумалось: его оппонент – немой. А потом, внезапно – как озарение! – да ведь он – машина! Шахматный автомат!

Я вспомнил, что Моксон как-то говорил мне, что он вроде бы изобретает такой механизм, но о том, что он его не только изобрел, но и сделал, я не подозревал. А не был ли тогда и весь разговор о сознании и разуме машин прелюдией к демонстрации как раз вот этого устройства – только уловкой, чтобы обескуражить меня, невежду в изобретениях подобного рода?

Однако! Прекрасное, можно сказать, завершение моих интеллектуальных потуг по поводу «бесконечной многогранности восхитительной философской мысли»! Меня эта мысль разозлила, и я было уже собирался повернуться и уйти, когда увидел нечто, что подстегнуло мое любопытство: я заметил, как противник Моксона вдруг досадливо передернул огромными плечами; жест этот показался мне таким человеческим! И это по-настоящему испугало меня! Но этим дело не ограничилось: мгновением позже он резко и сильно ударил по столу кулаком. Мне показалось, что Моксон был поражен еще сильнее меня и к тому же испуган: он отшатнулся от стола назад!

Но некоторое время спустя, когда пришел его черед сделать ход, он подался вперед, высоко поднял руку и, как ястреб – воробья, резким движением вниз схватил одну из фигур с доски, воскликнув: «Шах и мат!» И, тут же вскочив со стула, быстро отступил за его спинку. Автомат сидел неподвижно.

Ветер снаружи стих, но – раз от раза все громче – раздавались раскаты грома. В паузах между ними я слышал и другие звуки: гудение и жужжание; они нарастали и с каждой минутой становились все отчетливее. Эти звуки шли от машины. Я понял: это вращаются шестеренки внутри механизма. Гул рос, он казался неупорядоченным и наводил на мысль, что устройство вышло из строя. Если вы видели, как ведет себя лебедка, когда вылетает стопор, вы понимаете, что я имею в виду!

Но еще прежде, чем я догадался о природе нарастающего гула и стука, мое внимание привлекли странные движения автомата. Казалось, его бьет дрожь – почти незаметная, но непрекращаемая. Он содрогался всем корпусом, тряслись голова, плечи, конечности, точно у паралитика или припадочного; и амплитуда колебаний постоянно росла, пока он весь не заходил ходуном.

Внезапно он вскочил и, всем корпусом ринувшись вперед, молниеносно выбросил вперед свои конечности, словно пловец, ныряющий в воду. Моксон попытался податься назад, но было поздно: машина схватила его за горло. Единственное, что он смог сделать, – вцепиться руками в конечности противника. Затем стол перевернулся, свеча слетела на пол, погасла, и комната погрузилась во мрак. Но я слышал шум борьбы, слышал отчетливо, и страшнее всего были доносившиеся хрип и бульканье – их издавал мой товарищ в тщетной попытке вдохнуть воздух.

Я бросился наугад – на шум борьбы, на помощь другу. Внезапная вспышка молнии осветила на мгновение комнату – она навсегда выжгла в моем сердце и памяти незабываемую картину: двое борющихся на полу, Моксон внизу, его горло по-прежнему сжимают стальные руки, его голова повернута в сторону, глаза вылезают из орбит, рот широко раскрыт, язык вывалился наружу; и – о, чудовищный контраст! – выражение абсолютного спокойствия, даже раздумья, на физиономии убийцы, словно он занят решением шахматной задачи! Вот что я увидел. А потом обрушилась тьма и наступила тишина...

4

Три дня спустя я очнулся на больничной койке. Память о той трагической ночи в моем больном мозгу восстанавливалась мучительно и медленно. С удивлением в том, кто за мной ухаживал, я признал Хейли, верного помощника Моксона. Отвечая на мой недоуменный взгляд, он подошел ко мне и улыбнулся.

– Расскажите мне, – попросил я. Голос мой был слаб, и я повторил: – Расскажите мне обо всем, что вам известно.

– Конечно, – отвечал он. – В бессознательном состоянии вас вынесли из горящего дома Моксона. Никому не известно, как вы там оказались. Это вам придется объяснять уже самостоятельно. Неясна и причина пожара. Я-то думаю, что в дом ударила молния.

– А Моксон?

– Вчера похоронили. То, что от него осталось.

Видимо, этот молчаливый человек все-таки мог разговаривать. И даже умел быть мягким и деликатным, когда приходилось говорить о страшных вещах.

Несколько мучительных мгновений я колебался, но все же задал вопрос:

– А кто же меня спас?

– Ну, если вам так интересно... Это был я.

– Спасибо вам, мистер Хейли, да благословит вас Господь! А спасли вы это ужасное творение рук своих – автоматического шахматиста, который убил своего изобретателя?

Мой собеседник долго молчал, глядя в сторону. Потом обернулся ко мне и мрачно спросил:

– Так вы знаете?

– Да, – ответил я, – я видел, как он убил Моксона.

С тех пор прошло много лет. Если бы меня спросили сегодня, думаю, я не был бы так уверен в ответе.

Средний палец правой ступни

I

Всем в округе было хорошо известно, что в заброшенном доме Ментона обитает привидение. Никто из обитателей окрестных ферм, никто из жителей ближнего городка Маршалл, что в миле от упомянутой усадьбы, находясь в здравом уме, даже и не думал сомневаться в этом. Нашлось, правда, несколько чокнутых, которые сомневались, но на то они и ненормальные, чтобы сомневаться в вещах очевидных. А доказательства того, что в доме Ментона бродит привидение, имелись: во-первых, потому, что нашлись тому беспристрастные свидетели, а во-вторых, сам дом. Конечно, показания очевидцев можно оспаривать, особенно употребляя доводы, которые умы зловерные применяют обычно в спорах против умов простых и открытых, но факты, основательные и убедительные, говорят сами за себя.

Прежде всего, дом Ментона пустовал уже более десяти лет вместе со всеми своими пристройками, постепенно разрушался, приходя в упадок. И обстоятельство это никто не мог игнорировать. Дом стоял на пустынном участке дороги из Маршалла в Хэрристон среди пустоши, некогда бывшей фермерскими угодьями, где еще и теперь торчат останки догнивающего забора среди колючих кустов ежевики, укрывшей каменистую и бесплодную, давно не тронутую плугом землю. Сам же дом был в довольно приличном состоянии, хотя порядком отсырел и нуждался в особом внимании стекольщика. Последнее объяснялось главным образом тем, что младшее поколение мужской части населения округа таким оригинальным способом стремились выразить свое неодобрение жилищам, лишенным жильцов.

Дом был двухэтажный, почти квадратный, с единственной дверью по фасаду и двумя окнами по обе стороны от нее, доверху заколоченными досками. Окна над ними не были защищены, и потому комнаты второго этажа были открыты всем дождям и солнечному свету. Все вокруг дома заросло сорной травой. Несколько некогда тенистых деревьев явно пострадали от напора стихий – они росли, склонившись в одну сторону, словно пытаясь бежать из этого места. То есть, как совершенно справедливо выразился штатный юморист местной газеты, «предположение, что в доме Ментона крепко пошаливают привидения, напрямую следует из его внешнего вида». Тот факт, что около десяти лет назад мистер Ментон счел необходимым встать однажды ночью с постели и перерезать горло своей жене и двум маленьким ребятишкам, а затем скрыться в неизвестном направлении, несомненно, содействовал распространению мнения, что это место необычайно приспособлено для сверхъестественных явлений.

Однажды летним вечером к этому дому подъехал экипаж. В нем находилось четверо мужчин. Трое, не мешкая, вышли, и тот, кто правил лошадьми, стал привязывать их к единственному столбу, оставшемуся от того, что некогда было оградой. Четвертый остался сидеть в экипаже.

– Идемте, – произнес, подходя к нему, один из его спутников. – Это и есть то самое место.

Человек, к которому он обратился, не двинулся с места, но отреагировал такими словами.

– О Господи, – сказал он, – это ловушка... И мне кажется, что вы в ней участвуете.

– Вполне возможно, – отвечал другой, тоном слегка презрительным, вызывающе глядя прямо в глаза собеседнику. – Однако не забывайте, что выбор места, с вашего же согласия, был предоставлен противной стороне. Конечно, если вы боитесь привидений, то...

– Я ничего не боюсь, – прервал его другой и, чертыхаясь, спрыгнул на землю.

Они догнали остальных у двери, которую уже открыли, хотя и пришлось несколько повозиться из-за ржавого замка и петель. Все вошли. Внутри было темно, но тот, кто отпирал входную дверь, достал свечу и спички. Когда огонь разгорелся, стало видно, что они находятся

в коридоре. Тот же человек распахнул дверь, что была справа от них. В тусклом свете свечи их взору открылась большая квадратная комната. Пол ее, словно ковер, укрывал густой слой пыли, и он частично глушил шаги. Углы комнаты были завешены паутиной. Паутина свисала с балок потолка, словно обрывки сгнивших кружев;

она плавно колебалась в такт колебаниям воздуха. Комната была угловой и имела два окна, но сквозь них ничего нельзя было разглядеть – только грубую неровную поверхность досок, которыми они были забиты на расстоянии нескольких сантиметров от поверхности оконных стекол. В комнате не было ни камина, ни мебели – ничего, кроме паутины, пыли и четырех человек, явно лишние здесь.

Довольно странно они смотрелись в желтом неровном свете свечи. Среди них один особенно привлекал внимание – так необычен был его вид, и он был явно сильно взволнован. Это был мужчина средних лет, высокий, крупный, с большой грудной клеткой, широкоплечий. Одного взгляда на его фигуру было достаточно, чтобы заключить, что он обладает недюжинной силой и не преминет при случае ею воспользоваться. Он был гладко выбрит, коротко пострижен, в волосах густо пробивалась седина. У него был низкий лоб, изборожденный морщинами. Над глазами нависали густые черные брови, почти сросшиеся на переносице. Под ними мрачно горели глубоко запавшие глаза неопределенного цвета, слишком маленькие для этого большого человека. В их выражении было что-то отталкивающее, и впечатление это отнюдь не скрашивали жесткий рот и широкая тяжелая нижняя челюсть. Нос, напротив, был вполне обычный – как и большинство человеческих носов, – да от носа ничего особенного и ожидать-то нельзя! Но общее выражение лица было зловещим, и впечатление это усиливалось неестественной его бледностью – оно казалось совершенно бескровным. Внешность остальных была вполне обычной: они принадлежали к тому распространенному типу людей, встретив которых, забываешь, расставшись, тот же час. Все они были моложе упомянутого субъекта, который стоял в стороне от них и, очевидно, не испытывал ни малейшей к ним симпатии: он и его спутники избегали смотреть друг на друга.

– Джентльмены, – произнес тот, что держал в руках ключи и свечу, – я полагаю, все в порядке. Вы готовы, мистер Россер?

Один из молодых людей отделился от группы и поклонился с улыбкой.

– А вы, мистер Гроссмит?

Гигант изобразил на лице гримасу, которую едва ли можно было принять за улыбку, наклонил голову. – Будьте любезны, джентльмены, снять верхнее платье.

Довольно быстро в коридор переключевали шляпы, сюртуки, за ними жилеты и галстуки. Человек со свечой кивнул головой, четвертый спутник – тот, который уговаривал Гроссмита выйти из экипажа, – достал из кармана пальто пару длинных, смертоносного вида ковбойских ножей и вытащил их из кожаных ножен.

– Они совершенно одинаковы, – произнес он, вручая по ножу каждому из противников: теперь любой – даже совершенно лишенный проницательности – наблюдатель легко мог сделать бесспорный вывод о цели данного мероприятия.

Предстояла дуэль – не на жизнь, а на смерть.

Каждый из ее участников взял нож, внимательно осмотрел его при свете огарка свечи, испробовал надежность лезвия и рукоятки о собственное согнутое колено. После этого секунданты обыскали каждого из них. Причем каждого обыскал секундант противника.

– Если вы ничего не имеете против, мистер Гроссмит, – произнес человек, державший свечу, – соблаговолите встать в тот угол.

И он указал на угол комнаты, наиболее удаленный от двери. Перед тем как Гроссмит переместился в отведенный ему угол, секундант простился с ним. Их рукопожатие едва ли можно было назвать сердечным.

Угол, ближний к двери, занял мистер Россер. Его секундант, посоветовавшись о чем-то с ним шепотом, оставил его и присоединился к секунданту противника, стоявшему у двери. В этот момент свеча внезапно погасла, и все растворилось во мраке. Отчего погасла свеча? Вероятнее всего, причиной тому стал сквозняк из открытой двери, но, как бы там ни было, эффект получился потрясающий!

– Джентльмены... – раздался голос в темноте. Странно, но в изменившихся обстоятельствах и он звучал совершенно по-другому – так незнакомо. – Джентльмены, вы не должны двигаться до тех пор, пока не услышите, как захлопнется внешняя дверь.

Послышался звук шагов, закрылась внутренняя дверь... Наконец хлопнула и дверь на улицу – это действие сопровождалось таким ударом, что от него содрогнулось все здание.

* * *

Некоторое время спустя припозднившийся путник – мальчишка с одной из окрестных ферм – повстречал экипаж, бешено несущийся ему навстречу в сторону Маршалла. Он сказал, что на переднем сиденье сидело двое, а сзади, выпрямившись во весь рост, стоял третий. Он вцепился руками в плечи седоков. Мальчишке показалось, что они тщетно пытаются освободиться от рук, в них вцепившихся. Этот третий, в отличие от других, был одет во все белое, и в этом мальчишка был уверен, вскочил в экипаж тогда, когда последний проезжал мимо лома с привидениями. Поскольку паренек этот был известен в округе своим опытом в области сверхъестественных явлений, то его слова возымели весомость заключения эксперта. История эта (вкуче с последовавшими на другой день событиями) вскоре появилась на страницах местной газеты «Вперед». В несколько приукрашенном и откомментированном виде, разумеется. Содержалось там и примечание, что упомянутым в ней джентльменам предоставляется право использовать страницы газеты для собственной версии ночного приключения. Никто, однако, привилегией этой воспользоваться не поспешил.

II

Предыстория, повлекшая упомянутую «дуэль в темноте», была весьма незамысловата. Однажды вечером трое молодых людей – здешних горожан – отдыхали, расположившись в отдаленном углу веранды местной гостиницы. Они курили и оживленно беседовали. О чем? О том, что может возбудить настоящий интерес у трех молодых образованных провинциалов-южан. Их звали господа Кинг, Санчер и Россер.

Неподалеку от них – вполне в пределах слышимости – находился четвертый, но он не принимал участия в разговоре. Они не были с ним знакомы. Они знали только то, что он был вечерним дилижансом и в книге для приезжих записался под именем Роберт Гроссмит. Никто не видел, чтобы он разговаривал с кем-то, кроме портье. Судя по всему, особое пристрастие незнакомец испытывал лишь к собственной компании, или, как выразился репортер все той же местной газеты, был «чрезвычайно привержен дурному обществу». Правда, справедливости ради следует сказать и в защиту незнакомца: едва ли репортер, отличавшийся слишком общительным характером, может объективно судить о человеке, который наделен противоположным свойством. Тем более что незнакомец явно задел его, отказавшись дать интервью.

– Я ненавижу любое уродство в женщине, – сказал Кинг. – И для меня не важно, от природы оно или приобретенное. Более того, я полагаю, что любому физическому недостатку сопутствует, в свою очередь, какой-либо умственный и моральный изъян.

– Из этого следует, – с мрачной серьезностью констатировал Россер, – что некая леди, аморально шеголяющая отсутствием носа, могла бы без труда убедиться, что стать госпожой Кинг бессмысленная для нее затея.

– Конечно, вы можете шутить на эту тему, сколько вам заблагорассудится, – последовал ответ. – Но, если серьезно, однажды я расстался с очаровательной девушкой только потому, что узнал, причем совершенно случайно, что у нее был ампутирован палец. Да, я поступил жестоко, не спорю, но если бы я женился на ней, я был бы и сам несчастлив, и сделал бы несчастной ее.

– Ну что же, – с легкой усмешкой произнес Санчер, – выйдя замуж за джентльмена более либеральных взглядов, она отделалась всего лишь перерезанным горлом.

– Ага! Так вы догадались, кого я имел в виду? Да, позднее она вышла замуж за Ментона. Я не знаю, насколько либерален в своих взглядах на эту проблему был Ментон, но не думаю, что он перерезал ей горло, обнаружив однажды, что его супруга лишена этого чудесного украшения женщины – среднего пальца правой ступни.

– Эй! Посмотрите-ка на того типа, – внезапно понизив голос, произнес Россер. И глазами указал на незнакомца.

Без сомнения, неизвестный жадно прислушивался к разговору.

– Черт побери, какой нахал! – пробормотал Кинг. – Что же нам делать?

– Нет ничего проще, – поднимаясь со своего места, ответил Россер. – Сэр, – продолжал он, обращаясь теперь уже к незнакомцу. – Я полагаю, будет лучше, если вы перенесете свой стул на противоположный конец веранды. Судя по всему, общество джентльменов – непривычная для вас компания.

Неизвестный вскочил на ноги и двинулся ему навстречу со сжатыми кулаками; лицо его побледнело от гнева. Все встали. Санчер сделал шаг вперед и оказался между противниками.

– Вы поступили опрометчиво и несправедливо, – сказал он, обращаясь к Россеру. – Этот джентльмен не сделал ничего, чем бы мог заслужить такую отповедь.

Однако Россер не взял свои слова обратно. В таком случае, по местным традициям и обычаю времени, ссора могла иметь только один исход.

– Я требую удовлетворения, – сказал незнакомец, немного успокоившись. – Я здесь совсем никого не знаю. Может быть, вы, сэр... – обращаясь к Санчеру, продолжал он, – любезно согласитесь быть моим секундантом?

Санчер принял предложение, но, надо сказать, весьма неохотно, поскольку ни внешность, ни манеры этого человека ему не нравились. Кинг, который в течение всей этой сцены не спускал глаз с лица незнакомца, не проронил ни слова, но кивком головы подтвердил готовность действовать от имени Россера. Дуэль была назначена на следующий вечер, и с этим главные участники инцидента удалились. Секунданты остались, чтобы договориться об условиях поединка. Впрочем, нам они уже известны: дуэль должна была состояться на ножах в темной комнате. Поединки такого рода некогда были вполне обычной чертой жизни на юго-западе нашей страны, и, похоже, обычай этот до конца еще не умер. Нетрудно заметить и звериную жестокость местного кодекса чести, допускавшего подобные схватки.

III

Летним погожим днем старый дом Ментона ничем внешне не напоминал дом, в котором обитают привидения. Он крепко стоял на земле, и весь облик его был земным. Солнечные лучи ласкали его горячо и нежно, видимо и не подозревая о дурной репутации. Трава, зеленевшая на всем пространстве перед фасадом, казалось, росла не в беспорядке, но буйствовала в природном и радостном изобилии, а сорняки расцветали всеми цветами радуги. Причудливо изукрашенные игрой света и тени, наполненные птичьим гомоном, заброшенные тенистые деревья теперь уже не старались убежать, но благоговейно склоняли свои кроны под тяжестью солнца и птичьих песен. Даже лишённые стекол окна верхнего этажа приобрели теперь вид довольный и умиротворенный, вероятно из-за света, наполнившего внутренние покои дома. На его

каменных стенах резвились солнечные лучи с таким живым и радостным трепетом, что были совершенно несовместимы с той серьезностью, которая, как известно, является неотъемлемым атрибутом сверхъестественного.

В таком виде предстал пустующий дом шерифу Адамсу и двум другим мужчинам, приехавшим из Маршалла для того, чтобы осмотреть его. Один из них, по фамилии Бривер, был родным братом покойной миссис Ментон. В силу закона штата по отношению к имуществу, покинутому владельцем, место пребывания которого неизвестно, шериф также исполнял обязанности официального лица, призванного охранять усадьбу Ментона и все его угоды. Настоящий его визит был вызван решением суда, куда мистер Бривер подал прошение о введении его в право наследования имуществом покойной сестры. По совпадению, совершенно случайному, посещение пришлось как раз на следующий день после той ночи, когда помощник шерифа Кинг открыл дверь этого дома для совершенно иной цели. Нынешний его визит не был добровольным, просто в его обязанность входило сопровождать свое начальство, и в ту минуту он не придумал ничего лучшего, как симулировать полную готовность исполнять приказы.

Небрежно толкнув входную дверь, которая, к его изумлению, оказалась незапертой, шериф вошел внутрь и с удивлением обнаружил на полу в коридоре, где он сейчас находился, беспорядочную кучу мужской одежды. В процессе осмотра выяснилось, что она состоит из двух шляп, такого же количества сюртуков, жилетов и галстуков. Все вещи были вполне новыми и годными для ношения, если не считать того, что были перепачканы пылью, в которой и лежали. Мистер Бривер был удивлен не меньше шерифа. Что касается чувств мистера Кинга, то, вероятнее всего, они были иного свойства.

Шериф, чрезвычайно заинтригованный новым оборотом дела, открыл дверь из коридора в комнату направо, и все трое вошли внутрь. Судя по всему, комната была пуста, но... нет! Как только глаза их привыкли к сумраку комнаты, в дальнем углу ее они заметили нечто темнеющее на полу. Это была фигура человека – мужчины, скорчившегося и забившегося в угол.

Что-то в его позе заставило вошедших остановиться, едва они переступили порог. Фигура между тем все отчетливее выступала из мрака. Человек стоял на одном колене, спиной привалившись к стене; голова втянута в плечи; руки подняты к лицу ладонями наружу, пальцы растопырены и скрючены, как когти, голова задрана вверх, шея напряжена, на белом лице застыло выражение непередаваемого ужаса, рот полуоткрыт, глаза вылепи из орбит. Он был мертв, мертв, как камень. За исключением ножа, очевидно выпавшего из его рук и теперь лежащего подле него на полу, иных предметов в комнате не было.

В пыли, густым ковром устилавшей весь пол, виднелись беспорядочные следы ног – возле двери и вдоль примыкающей к ней стены. Параллельно одной из смежных стен, мимо законченных окон, также тянулся след, наверняка оставленный самим человеком, когда он пробирался в угол. Не рассуждая, совершенно инстинктивно, все трое двинулись к труп, старательно придерживаясь того же маршрута, что и неизвестный. Шериф дотронулся до одной из откинутых рук мертвеца, но она так окоченела, что казалась сделанной не из плоти, а из металла, и, когда он легонько потянул ее на себя, все тело подалось вперед, ни на йоту не изменив положения своих частей. Бривер, бледный от ужаса, упорно вглядывался в искаженное лицо мертвеца.

– Боже милосердный! – внезапно вскричал он. – Это Ментон!

– Вы правы, – ответил ему Кинг, пытаясь сохранить хладнокровие. – Я знал Ментона. Прежде он носил густую бороду и длинные волосы... но это он.

Он мог бы добавить: «Я узнал его, когда он вызвал на поединок Россера. Я рассказал Россеру и Санчеру, кто он такой, еще до того, как мы завлекли его в эту чудовищную ловушку. Россер выскочил из комнаты следом за нами. Это он, возбужденный, забыл забрать свое платье, и это он несся с нами по дороге в экипаже в одном нижнем белье... И все время, в течение всей этой истории, мы знали, с кем имеем дело – с мерзким убийцей и законченным трусом!»

Но господин Кинг не сказал ничего. Сейчас он хотел только одного – проникнуть в тайну смерти этого человека. Здесь была тайна – он чувствовал это: потому что Ментон так и не двинулся с места, ему указанного; потому что положение его тела не могло сказать определенно, напал на него или защищался; потому что он выронил свое оружие и, наконец, потому что в предсмертной агонии лицо его свела маска ужаса, словно он увидел нечто, что убило его. Вот эти обстоятельства тревожили господина Кинга загадочностью и заставляли напрягать все силы интеллекта в попытке разгадать их.

Он был в глубоком недоумении, взгляд его механически блуждал, перебегая от предмета к предмету, в тщетной попытке отыскать какую-нибудь зацепку, когда глаза его увидели нечто, что и сейчас, в обществе живых существ и при свете дня, наполнило душу его ужасом. В густой пыли, которая годами оседала на полу, ясно виднелись отпечатки – то были три параллельных цепочки следов, – они шли от единственной входной двери и пересекали комнату наискосок, обрываясь в метре от мертвого тела. Их было три параллельные цепочки; при свете дня было видно, что следы в центре явно принадлежали женщине, а по сторонам – слева и справа – отпечатки были совсем крошечные, это были следы детских ножек. Они вели только в одну сторону и там обрывались...

Бривер, который, затаив дыхание, разглядывал эти следы, вдруг сделался мертвенно-бледным.

– Посмотрите! Посмотрите сюда! – закричал он, обеими руками указывая на ближайший к нему след правой ступни женщины, особенно отчетливо отпечатавшийся в пыли. В этом месте она, вероятно, остановилась и некоторое время стояла неподвижно. – Здесь нет среднего пальца... это Гертруда!

Гертруда – так звали миссис Ментон, сестру господина Бривера.

Долина призраков

I. Как валят лес в Китае

Примерно в полумиле от обиталища Джо Данфера, на пути от Хаттона к Мексиканскому холму, дорога проходит по темному ущелью. Его склоны мрачны и загадочны. Словно хранят некую тайну, открыть которую время еще не пришло. Каждый раз, когда я еду этой дорогой, внимательно смотрю по сторонам и размышляю: «А не настало ли время раскрыть тайны»? Как правило, ничего не происходит. Но у меня нет чувства разочарования: знаю, все откроется, когда тому придет черед. В этом у меня нет сомнений. Как нет сомнений в существовании самого Джо Данфера, чьи владения разрезает упомянутое ущелье.

Мне рассказывали, что первоначально Джо срубил себе хижину в самом ущелье, но затем по неизвестной причине бросил ее и построил нынешнее жилище – надо сказать, довольно странное, дом-гермафродит, соединяющий в себе и обиталище, и салун. Словно хотел всем показать, как радикально он поменял свои намерения.

Джозеф Данфер – или, как его звали в округе, Виски-Джо – был фигурой примечательной и хорошо известной в здешних местах. Было ему лет около сорока, высокий круглолицый мужчина с грубыми чертами и неизменно спутанной копной густых волос на голове, сильными жилистыми руками и узловатыми кистями, похожими на связки тюремных ключей. Он словно всегда был настороже: шел, наклонив туловище вперед, готовый разорвать любого, кто встанет у него на пути.

Помимо пристрастия к напитку, благодаря которому он приобрел прозвище, характерной особенностью мистера Данфера была глубокая антипатия к китайцам. Однажды я увидел, как он страшно разозлился, когда один из его пастухов позволил бродяге-китайцу утолить жажду из его поилки для лошадей. Я попытался было упрекнуть Джо за такое нехристианское поведение, на что он мне ответил, что в Новом Завете ничего не говорится о китайцах, и пошел прочь сорвать зло на своей собаке, о чьих собратях, кстати, в Священном Писании упомянуть забыли.

Несколько дней спустя, когда он в одиночестве сидел у себя в салуне, я рискнул вернуться к упомянутому эпизоду. К огромному облегчению, мой собеседник против обыкновения пребывал в благодушном настроении.

– Вы, молодежь с Востока, – сказал он снисходительно, – для наших мест слишком добренькие. Вам нас не понять. Не знакомы вы с этой желтой заразой, потому и идеи всякие либеральные, вроде упорядочения китайской эмиграции, у вас в голове бродят. У тех, кто вынужден сражаться за место под солнцем с толпой беспородных азиатов, нет времени на подобную чушь.

В этот самый момент мой долговязый собеседник, явно не трудившийся честно в своей жизни и дня, прервал тираду, достал китайскую табакерку, откинул крышку, подцепил большим и указательным пальцами щепоть зелья величиной с небольшую копну.

Держа сие живительное средство в пределах обоняния, он с еще большей энергией продолжил:

– Прожорливая саранча – вот кто они, если хотите знать мое мнение. И они набрасываются на все стоящее в этой благословенной стране. – С этими словами он сунул то, что заготовил, в надлежащее отверстие, а когда механизм для производства звуков восстановился, возобновил свое эмоциональное повествование: – Лет пять назад у меня на ранчо работал один из них. Я вам расскажу, чтобы вы смогли ухватить суть проблемы. Тогда дела у меня шли не очень хорошо, и виски я употреблял больше, чем нужно, да и о долге американского патриота не слишком задумывался. Потому и нанял этого язычника в качестве повара. Но когда я вновь

обратился к вере и меня собрались выдвинуть в конгресс штата, я узрел свет. Вот скажи: *что* мне было делать? Просто выгнать его? Тогда кто-нибудь другой нанял бы его на работу. А как бы он с ним обращался? Как добрый христианин? Едва ли. Так что я должен был сделать? Как поступил бы добрый христианин, особенно обретший Господа заново и под завязку напичканный идеями о людском братстве и покровительстве Бога?

Джо остановился, явно ожидая моей реакции. На его лице блуждала неуверенная ухмылка, словно он испытывал сомнения в верности способа, которым он решил проблему.

Он встал, подошел к стойке, налил виски из бутылки и залпом его выпил. Потом продолжил рассказ:

– Кроме того, он ни на что не был годен – ничего не знал, а уж выделялся... куда там! Они все такие! Пытался я его приструнить, но тот вечно гнул свою линию. В Писании говорится – «подставь щеку»... Я семьдесят семь раз подставлял, но в конце концов надоело, и... сделал так, чтобы он перестал коптить небо!.. Рад, что у меня хватило смелости пойти на это...

Джо заметил, что его радости я не разделяю, и разделил ее с бутылкой, нацедив очередную порцию и выпив.

– Пять лет назад я взялся за постройку дома. Нет, не здесь, где стоит этот. Совсем в другом месте. Я дал А Вэю задание валить лес и в помощь ему отрядил одного парнишку, его звали Гофер. Мелкий ростом, он и в самом деле был похож на суслика. Я понимал, что толку от китаезы большого не будет, потому что лицо у него... сияло, что твой июньский полдень, а глаза... большие, черные... Таких дьявольских глаз в наших краях не встретишь...

Тирада его явно противоречила здравому смыслу. Вероятно, в связи с этим он замер в оцепенении и уставился вдруг на отверстие от выпавшего сучка в одной из тонких досок перегородки, отделяющей жилое помещение от салуна, словно оттуда мог смотреть на него тот, чьи глаза размером своим и цветом превращали обладателя в никудышного работника.

– Вы, простаки с Востока, не верите тому, что вам говорят про этих желтокожих дьяволов, – внезапно с гневом воскликнул он, но эта вспышка мне показалась наигранной. – Но говорю вам: этот чинк был отъявленным мерзавцем. Другого такого в Сан-Франциско не сыщешь. Этот косоглазый с косичками взялся подрубить по кругу молодые деревья, – так червяк обгрызает редьку! Я терпеливо указал ему на ошибку, объяснил: зарубки надо делать с двух сторон, тогда дерево будет падать как надо. Но стоило мне отвернуться, *вот так*, – Данфер отвернулся от меня и подкрепил свои слова изрядной порцией спиртного, – как он принимался за старое. Это продолжалось и дальше. Пока я смотрел на него, *вот так*, – он попытался сфокусировать взгляд на моем лице, но удавалось это ему с трудом, – было все в порядке. Но когда я отворачивался, *вот так*, – еще один глоток виски, – *вот так*, он делал по-старому. Он будто надо мной издевался! Я взглянул на него с укоризной, *вот так*, но ему хоть кол на голове теши!

Не сомневаюсь: Данфер искренне старался, чтобы в устремленном на меня взгляде присутствовала укоризна, но любой, у кого не было на поясе пары револьверов, а также изрядных навыков обращения с ними, назвал бы его скорее угрожающим. Потому я потерял интерес к бесконечному и довольно бессмысленному повествованию и решил уйти. Прежде чем я поднялся с места, Данфер вновь повернулся к стойке и с едва слышным *вот так* прикончил бутылку.

О Господи! Вот это вопль!

Подобный мог издать разве что Титан, да и то в предсмертной агонии!

Испустив его, Джо отшатнулся, словно орудие после выстрела, и рухнул на скамью, как бык, которому дали по башке кувалдой. Его глаза в ужасе уставились на стену. Я проследил взглядом, куда он смотрит, и увидел, что дырка в дощаной перегородке превратилась в человеческий глаз – большой и черный. Он смотрел на меня без всякого выражения, но это было страшнее любого дьявольского блеска! Я зажмурился и даже закрыл лицо руками, но чары разрушило не это – их разрушил слуга Данфера, невысокого роста человек, вошедший в

салун. Я немедленно вышел вон, пораженный мыслью: вдруг белая горячка – это инфекционное заболевание? Моя лошадь стояла у поилки, я отвязал ее, вскочил в седло и пустился куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого места.

* * *

Честно говоря, я даже и не знал, что обо всем этом думать. А потому мысли мои блуждали вокруг того, что я видел и слышал, но объяснить ничего толком не мог. Радовало только одно: завтра я буду далеко отсюда и, скорее всего, обратно никогда не вернусь.

Внезапный порыв ледяного ветра вырвал меня из грез, и, подняв голову, я вдруг обнаружил, что въезжаю в мрачную теснину ущелья. День стоял жаркий и душный, поэтому переход из иссушающего пекла к прохладе полумрака, наполненного ароматом кедров и щебетом птиц, слетевшихся в тенистое убежище, показался неожиданным и благотворным. Как обычно, я стал озираться, пытаюсь понять причину своей тревоги, но, ничего не обнаружив, спешился, отвел потную лошадь в заросли, надежно привязал ее к дереву, сел на камень и задумался.

Начал я с анализа причин, по которым это место представляется мне таким загадочным и почему я решил, что оно скрывает какую-то тайну. Разобрав собственные домыслы на составляющие, я выстроил из них батальоны эмоций и эскадроны ощущений и, собрав все силы логики, обрушил на оных здравый смысл и свой интеллект. После того как мой рассудок сокрушил противника и мощь разума вроде бы восторжествовала, разгромленный было враг вдруг собрал свои легионы и захватил меня в плен. Непонятный страх внезапно охватил меня. В попытке от него избавиться, я встал и пошел по узкой тропе меж деревьев, вдоль старого, уже заросшего травой прогона для скотины – он вился по дну теснины, как русло ручья, о котором Природа отчего-то не позаботилась.

Деревья, между которыми шла тропинка, были самыми обычными, вполне заурядными растениями, разве что стволы у большинства искривлены да кроны довольно причудливые, но ничего таинственного в них не было. Несколько больших валунов – они скатились со склонов ущелья – существовали независимо, перегородив в нескольких местах путь. Но в их каменном оцепенении едва ли было что-то общее со смертным покоем. В то же время тишина в ущелье неуловимо напоминала тишину камеры смертника, таинственный шепот витал над головой... Впрочем, это ветер теребил листву в кронах, и только.

Я не предполагал, что существует связь между пьяной болтовней Джо Данфера и тем, что я сейчас искал. Но когда вышел на открытое пространство и пошел, поминутно спотыкаясь о пеньки давно срубленных небольших деревьев, понял что к чему. Это было место, где прежде стояла та самая хижина, о которой упоминал Данфер. Открытие подтверждали оставшиеся с той поры пни: некоторые были подрублены вкруговую, что для здешних мест необычно, в то время как другие явно рубили обычным способом – что называется, «в клин».

Открытое пространство было невелико, примерно шагов тридцать в поперечнике и было ровным. Только в одном месте, сбоку, виднелся небольшой холмик – поросший травой, он выглядывал из кустарника. Это была могила – я разглядел надгробие!

Не могу сказать, что открытие меня удивило. Тем не менее я глядел на одинокую могилу с ощущением, которое, должно быть, испытывал Колумб, внезапно обнаружив на горизонте очертания нового мира. Прежде чем подойти поближе, я, не торопясь, огляделся. Затем – зачем я это сделал? – достал из кармана часы, завел их и только тогда двинулся навстречу тайне.

Могила была совсем маленькой и, учитывая давность захоронения и его уединенность, в лучшем состоянии, чем могла быть. Более того, должен признаться: глаза мои широко раскрылись, когда я обнаружил, что цветы, росшие на могиле, явно недавно поливали. Надгробие не было изготовлено специально – в своей первой жизни камень, видимо, исполнял функцию порога. На нем была вырезана, точнее, выдолблена надпись. Я прочитал:

А Вэй Возраст неизвестен. Работал на Джо Данфера. Он установил это надгробие, чтобы осталась память о китаезе. И напоминание всем желторожим: нечего много из себя корчить! Черт бы их всех побрал! Она была такая красивая!

Не могу передать, насколько меня удивила эта странная эпитафия. Скучная, но вполне внятная информация об умершем, дерзкая искренность надписи, грубое проклятие, нелепая смена пола и настроения – все это красноречиво говорило о том, что автор слов пребывал в помешательстве. Я чувствовал, что от дальнейшего расследования толку не будет, да и настроение как-то вдруг совсем испортилось. Поэтому я повернулся и просто ушел.

Вновь в тех местах я очутился только четыре года спустя.

II. Тот, кому доверили управлять упряжкой волов, должен обладать здравым рассудком

– Ну, будет тебе, Фадди-Дадди!

Эта странная фраза прозвучала из уст маленького человечка необычной наружности, управлявшего телегой, доверху груженной дровами, ее без труда тащила пара волов. Так что зря он изображал великое напряжение сил – ни он, ни его животные особенно не напрягались.

Поскольку фраза эта прозвучала, когда я стоял на обочине, а возница произносил ее, глядя на меня, я не мог понять, к кому он адресовался: ко мне или к своим животным. Если верно второе, было тоже непонятно, она относилась к обоим волам, одного из которых звали Фадди, а другого Дадди, или только к одному из них. В любом случае, команда не возымела никакого действия – ни на меня, ни на животных. Тогда плюгавый человечек отвел от меня взгляд, длинным шестом по очереди ткнул Фадди и Дадди и произнес:

– Ах ты, шкура облезлая!

Говорил он с чувством, но спокойно и явно воспринимал их единым целым.

Мою просьбу подвезти он проигнорировал, потому я решил помочь себе сам и без церемоний, встав ногой на ступицу колеса, подтянулся и уселся рядом с возницей.

Тот, не обращая на меня внимания, продолжал увещевать скотину:

– Ну, шевелись давай, тварь неразумная!

Затем хозяин упряжки – точнее, бывший хозяин, потому что теперь я странным образом ощущал себя владельцем экипажа: я завладел им, как призом! – уставился на меня своими большими черными глазами. Выражения этих глаз я уловить не мог, однако вид их будил во мне смутные и неприятные воспоминания.

Он отложил жезл – который, однако, не зацвел, но и в змею не обратился, хотя я и ожидал этого, – скрестил руки на груди и сурово спросил:

– Так что ты сделал с виски?

Моей естественной реакцией было ответить: «Я его выпил». Но в вопросе явно заключался некий скрытый смысл. Да и сам вопрошавший, похоже, совсем не шутил. Потому, не зная, что ответить, я хранил молчание, но чувствовал, что повисшая пауза есть не что иное, как признание собственной (в чем?) вины.

Дыхание прохлады вдруг коснулось моей щеки. Я поднял глаза и увидел, что мы въезжаем в знакомое ущелье. Мне трудно описать мои чувства: я не был здесь четыре года, с тех самых пор, как мрачная теснина раскрыла свою тайну, и почувствовал себя человеком, который ее предал – она исповедалась мне в совершенном преступлении, а я трусливо от нее сбежал. На меня нахлынули воспоминания: о Джо Данфере и о его пьяных признаниях, о странной надписи на надгробии, – и я задался вопросом о судьбе Джо: что-то с ним случилось?

С этими словами я обратился к вознице. Он, не поворачивая головы и продолжая следить за упряжкой, ответил:

– А ну, поживее, старая черепаха! А хозяин... он лежит рядышком с китаезой! Есть желание взглянуть?.. Понятно, преступники всегда возвращаются на место преступления; я ждал тебя... Ну, двигай давай!

Заслышав знакомый возглас, Фадди-Дадди, эта упрямая черепаха, застыла на месте. Еще не угасло эхо, раскатившееся по ущелью, как волны одновременно, словно по команде, подогнули все восемь своих ног и улеглись прямо в дорожную пыль. Напрасно возница охаживал их шестом по дубленой коже – они были недвижимы. Маленький человечек соскочил с повозки и, не обращая внимания на то, иду ли я следом, двинулся по тропинке. Я пошел за ним.

Четыре года назад я здесь был. И примерно в то же время суток. Время года тоже совпадало. Как и прежде, громко верещали сойки и угрюмо шумели деревья. Во всем этом мне вдруг увиделась аналогия с манерой Джо Данфера – мрачного бахвала и болтуна, чей литературный дар с характерной для автора сдержанностью манер, сочетанием грубости и нежности проявился в единственном его опусе – эпитафии.

Казалось, здесь совершенно ничего не поменялось. Ну, разве что коровья тропинка посильнее заросла сорняками. Но когда мы вышли на вырубку, я понял, что изменилось многое. Среди пней и упавших деревьев теперь было почти не различить тех, что валили по китайской методе, и тех, что рубили по-американски. Варварство Старого Света и просвещенность Нового примирились – как и положено цивилизациям – через распад, прах и тлен. Могильный холмик остался прежним, но весь зарос ежевикой – она вытеснила иных, более слабых собратьев; сгнули и аристократы-цветы, уступив место собратям плебеем-дикоросам. Но так заложено природой.

Рядом с первой появилась еще одна могила – был большой и неровный холм. Первая будто съежилась от такого соседства. В тени нового надгробия старое терялось, а примечательная эпитафия, укрытая опавшими листьями и мхами, была почти не видна. Что же до литературных достоинств, то новая надпись уступала старой. Более того, шокировала своей краткостью и грубостью:

Джо Данфер. Перекинулся.

Я равнодушно отвернулся от новой могилы и смахнул листья с могильной плиты мертвого язычника, чтобы явить свету насмешливые слова, которые после долгого небрежения обрели, как мне показалось, новый смысл и даже некоторый пафос. Похоже, что и мой проводник, прочитав их, сделался как-то серьезней. По крайней мере, я увидел, что его эксцентричные манеры таят в себе нечто мужественное, достойное. Но длилось это недолго: его лицо приняло прежнее выражение, в котором мешалось что-то нечеловеческое и в то же время мучительно знакомое. Причиной были глаза – большие, отталкивающие и привлекательные одновременно. – Скажи-ка, приятель, – произнес я, указывая на меньшую могилу, – Данфер действительно убил китайца?

Он прислонился к дереву и устремил взгляд в пространство – то ли на голубевшую вдалеке вершину, то ли куда-то в небо. Не переводя взгляда и не меняя позы, ответил:

– Нет, сэр. Он лишил его жизни справедливо.

– Тогда он действительно его убил.

– Убил? Должен сказать, он это сделал. Но это всем известно. Разве он не признался в этом, стоя перед судом? И разве присяжные не вынесли вердикт: «Причиной смерти стали христианские чувства, живущие в груди белого человека»? А разве не по этой причине церковь отлучила Виски? Но разве не свободный народ избрал его после этого мировым судьей? А после этого и вовсе признал его проповедником? Уж тогда и не знаю, где вы были...

– Это не отменяет того, что он убил. Убил за то, что китаец не научился – или не захотел научиться – валить деревья так, как это делают белые люди? – Конечно! Раз это зафиксировано в приговоре. То, что известно мне, с юридической точки зрения ничего не значит. Я не устраивал похорон, и в суд меня не вызывали. Но Виски-Джо ревновал ко мне, – произнесся

это, маленький негодяй надулся от собственной важности и даже сделал вид, что поправляет воображаемый галстук, глядя себе на ладонь, которую выставил на манер зеркала.

– Ревновал к тебе? – с издевкой переспросил я.

– Я же сказал. А почему нет? Я что, плохо выгляжу? – С этими словами он вновь взялся манерно разглаживать складки своего изрядно поношенного жилета. Затем елеинным тоном совсем тихо произнес: – Виски в самом деле был помешан на этом китаезе. Только я один и знал, как он его обожал. Он глаз с него не спускал, образина чертова. Однажды он приперся сюда совершенно неожиданно. А мы отдыхали. А Вэй спал, а я, придерживая его руку за рукав, пытался вытащить оттуда ядовитого паука. Он в рукав к китаезе забрался. Так Виски-Джо сразу схватился за топор и взялся им размахивать. Я-то увернулся, хотя меня в тот момент и укусил паучище... А Вэй, понятное дело, нет. Джо снова прицелился и тут увидел, что в мой палец впился паук, и понял, что свалил дурака. Отбросив топор, он упал на колени перед китаезой, а тот глубоко вздохнул и, протянув руки, обхватил и крепко прижал уродскую башку Виски к своей груди. Он держал ее до конца, пока не выдохнул последний раз. Это произошло быстро – дрожь пробежала по его телу, раздался слабый стон, и он испустил дух.

По ходу повествования рассказчик преображался. Когда он описывал ту сцену, присущее его физиономии комическое, точнее, сардоническое выражение исчезло без следа, да и я сам с трудом сохранял спокойствие. Он был, оказывается, прирожденным актером и так захватил меня, что сочувствие к *dramatis personae* теперь переключилось полностью на него. Помимо собственной воли, я даже шагнул вперед, чтобы взять его за руку, когда внезапно широкая улыбка осветила его лицо, и он продолжил, но уже с усмешкой:

– Надо было видеть Виски-Джо в этот момент! Он точно рассудком двинулся! всю свою одежду – а тогда он одевался так, что глаза слепило! – испортил напрочь. Волосы включены, а лицо – я его видел! – стало белым, что твоя бумага! Он взглянул на меня и сразу отвернулся, будто меня и нет. И здесь – в руке моей всюду стреляло – паучий яд добрался до головы, и я вырубился вчистую, потерял сознание! Потому и на дознании меня не было.

– А потом почему ты смолчал? – спросил я.

– Да вот такой я, – ответил он и больше на эту тему не распространялся. – После этого Виски-Джо стал пить пуше прежнего и еще сильнее невзлюбил китайцев. Не думаю, однако, что был рад тому, как получилось с А Вэй. При мне он нос, конечно, не задирал, но с такими, как вы – важными персонами, – держался по-другому. Он поставил этот камень и надпись тоже сам придумал и выдолбил. По ней видно, в каком он был настроении. Это дело заняло у него три недели. С перерывами на пьянку, понятно. Я свои слова на его камне за день выдолбил.

– А когда Джо умер? – спросил я рассеяно.

Но от ответа у меня перехватило дыхание:

– Так, считай, сразу и помер, как я посмотрел на него через эту дырку. Вы как раз и сыпанули ему что-то в стакан с виски! Это было круто! Ну, настоящий Борджиа!

Чудовищность и абсурдность обвинения так меня потрясла, что я едва не придушил мерзавца. Но через мгновение, оправившись, я кое-что понял и спросил его уже совершенно спокойно:

– А когда ты сошел с ума?

– Девять лет назад! – выкрикнул он, выставив сжатые кулаки. – Девять лет назад, когда мы убили ее – женщину, которая любила его, а не меня! Женщину, которую он выиграл в покер в Сан-Франциско, а я был с ним рядом. Я ее охранял все эти годы! А негодяю, которому она принадлежала, было стыдно, что она не белая! Я хранил ради нее его проклятый секрет, пока тот не сожрал его! И это был я, кто похоронил его после того, как вы его отравили! И выполнил его последнюю просьбу – положить его рядом с ней и установить надгробный камень. С тех пор я здесь не был ни разу – не хотел с ним встречаться!

– Встречаться? Гофер, бедолага, он же мертвый...

– Вот поэтому я его и боюсь!

Я проводил беднягу до повозки и на прощание пожал руку.

Вечерело, когда я стоял на обочине. В густеющей тьме я провожал взглядом все более смутные очертания фургона. Вечерний ветер доносил до меня звуки энергичных ударов, и я слышал голос:

– А ну, шевелись, лоханки старые!

Психологическое кораблекрушение

Лето 1874 года я провел в Ливерпуле, куда меня забросили дела торгового дома «Бронсон и Джаррет» из Нью-Йорка. Кстати, Уильям Джаррет – это я, поскольку мы с Бронсоном были компаньонами. Были, потому что в прошлом году он умер. Фирма обанкротилась, а Бронсон не смог перенести столь жестокого удара судьбы.

Покончив с делами, я почувствовал себя совершенно опустошенным и разбитым и подумал, что длительное морское путешествие пойдет на мне пользу и благотворно отразится на моем здоровье. Поэтому, вместо того чтобы воспользоваться одним из многочисленных чудесных пассажирских пароходов, курсирующих через Атлантику, я решил отправиться в Нью-Йорк на парусном судне. Мне не было нужды размышлять, на каком корабле остановить свой выбор – прежде я зафрахтовал судно для перевозки разнообразных грузов, закупленных в Англии для фирмы. Так я очутился на «Утренней заре».

Парусник был английским и относился к тому типу судов, на которых пассажиры, отправляясь в плавание, не могли рассчитывать на особый комфорт. Впрочем, попутчиков у меня оказалось всего двое: молодая женщина-англичанка и ее служанка – мулатка средних лет.

Помнится, глядя на свою попутчицу, я подумал, что молодая леди едва ли нуждается в том, чтобы ее опекали. Однако некоторое время спустя, после того как мы познакомились, девушка объяснила, что бедная женщина, собственно, не ее служанка. В свое время этой несчастной довелось пережить страшную трагедию: ее хозяева – супружеская пара из Южной Каролины, гостившая в доме отца девушки, – скончались друг за другом в один день, и, так как у нее больше никого не было, она осталась в семье англичанки. Данное обстоятельство (само по себе весьма необычное) обязательно запечатлелось бы в моей памяти, даже если бы позднее, в одном из разговоров с попутчицей, не всплыло, что имя умершего мужчины полностью совпадало с моим. Его звали Уильям Джаррет. Мне приходилось слышать, что одна из ветвей нашего рода действительно обосновалась где-то в Южной Каролине, но сверх этого мне ничего о них не было известно.

* * *

«Утренняя заря» покинула Ливерпуль 15 июня. Несколько недель небо было безоблачным, свежий бриз подгонял наш парусник. Капитан – вероятно, хороший моряк, славный, но недалекий человек, – к счастью, не докучал своим обществом: наши встречи с ним случались главным образом за обеденным столом в кают-компании. Мы были предоставлены самим себе, и у меня, и у юной Жанетт Харфорд (так звали англичанку) было достаточно времени, чтобы хорошо узнать друг друга. По правде сказать, мы почти не расставались.

Будучи человеком аналитического склада ума, я старался понять и определить то странное, необычное чувство, которое разбудила во мне Жанетт, – едва уловимое, неясное и в то же время властное влечение, неизменно заставлявшее искать ее общества, но, увы, не находил ему вразумительного объяснения. Единственное, в чем я мог поклясться, что это была не любовь, а нечто иное. Я старался разобраться в характере охватившего меня чувства и, поскольку был уверен в добром расположении молодой женщины ко мне, решил обратиться к ней за помощью.

Долго я не решался заговорить об этом, но вот однажды вечером (помнится, это было третьего июля) мы расположились в шезлонгах на палубе, и я, несколько вымученно улыбаясь, попросил ее помочь разрешить этот психологический феномен.

Некоторое время она совершенно не реагировала на мои слова: сидела молча, отвернувшись, устремив взгляд в безбрежный океан. Так продолжалось довольно долго, и я уже начал

беспокоиться, не слишком ли бестактно, не деликатно я веду себя. Затем она медленно повернула голову и пристально поглядела в мои глаза. Невозможно описать, что тогда со мной произошло. Без сомнения, взгляд ее глаз приобрел вдруг магическую силу. Он подчинил, растворил мой разум и наполнил мое сознание видениями и образами столь странными и доселе неведомыми, что я едва ли смогу внятно описать то состояние, в которое впал. Она смотрела не на, а сквозь меня, будто из необычайной дали, и взгляд ее был словно и не ее взгляд – он утратил индивидуальное, присущее только ей выражение. Казалось, что на меня глядели глаза всех тех людей, кого я когда-то встречал на своем пути и чьи мимолетные взгляды я когда-то ловил. Но только теперь в них было то же странное выражение, что меня поразило у Жанетт. Парусник, небо, океан – все исчезло. Все перестало существовать, кроме безмолвия лиц, глаз, фигур, заполнивших палубу – сцену в этом необычайном, фантастическом спектакле. А затем... Тьма обрушилась, и словно бездна поглотила меня...

* * *

...Сознание и зрение медленно возвращались. Непроглядный мрак, окружавший меня, постепенно редел, превращаясь в сумеречную дымку, из которой все отчетливее проступали знакомые очертания мачт, палубы, оснастки. Мисс Харфорд лежала в шезлонге откинувшись. Глаза ее были закрыты, она спала. На коленях, раскрытой, лежала книга, которую она читала на протяжении всего путешествия. Сам не понимая, зачем я делаю это, я протянул руку, взял книгу и посмотрел на заглавие. У меня в руках был экземпляр редкой, весьма любопытной и довольно-таки странной книги – «Размышлений» Деннекера. Один абзац на раскрытой странице был отчеркнут ногтем: «...может случиться с человеком и так, что на какое-то время душа его будет разделена с телесной оболочкой. Подобно тому как бегущий ручей, пресекая вдруг путь другого, более слабого потока, становится сильнее, так и родственные души, когда пути их пересекаются, сливаются в общую, в то время как тела их следуют predeterminedными им путями. Но как происходит это, человеку познать не дано и никому не ведомо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.